

УДК 316.324.8:338.2:343.34

<https://doi.org/10.18799/26584956/2026/1/2077>

Шифр специальности ВАК: 5.7.7

Экономический экстремизм как феномен постиндустриального общества: между реальностью и иллюзорностью

В.А. Долин[✉]

*Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Российская Федерация, г. Белгород*

[✉]v.a.dolin@mail.ru

Аннотация. Выделение в научном дискурсе феномена экономического экстремизма обусловлено стремлением к полному описанию проявлений политического радикализма в современном обществе. Однако большинство исследователей не признают существования экономического экстремизма. **Цель:** анализ противоречия между выделением концепта «экономический экстремизм» и его не востребуемостью в научном дискурсе. **Методы:** диалектический метод, формально-логические методы, деятельностный подход к сущности экстремизма, историко-материалистический подход к состоянию постмодерна Д. Харви. **Результаты:** на основе деятельностного подхода предложена дефиниция понятия «экономический экстремизм». По итогам проведенного анализа выделено центральное противоречие экономического экстремизма как феномена постиндустриального общества: он онтологически неотделим от реальности актуальной модели капиталистической экономики, но иллюзорен гносеологически как противоречащий современной глобалистской социально-экономической парадигме. Полученный результат закладывает концептуальную основу разрешения противоречия между выделением концепта «экономический экстремизм» и его не востребуемостью в научном дискурсе. Онтологические и гносеологические аспекты экономического экстремизма, а также их соотношение требуют дальнейшего изучения, в том числе и в междисциплинарном контексте.

Ключевые слова: экстремизм, экономический экстремизм, модерн, постмодерн, противоречие, экономика постмодерна

Для цитирования: Долин В.А. Экономический экстремизм как феномен постиндустриального общества: между реальностью и иллюзорностью. *Векторы благополучия: экономика и социум*, 2026, Т. 54, № 1, С. 176–185. <https://doi.org/10.18799/26584956/2026/1/2077>

UDC 316.324.8:338.2:343.34

<https://doi.org/10.18799/26584956/2026/1/2077>

Economic extremism as a phenomenon of post-industrial society: between reality and illusion

V.A. Dolin[✉]

*Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation*

[✉]v.a.dolin@mail.ru

Abstract. The identification on economic extremism in scientific discourse conditioned by the desire to provide a comprehensive description of political radicalism in contemporary society. However, most researchers do not recognize the existence of economic extremism. **Aim.** To analyze the contradiction between the definition of the concept of "economic extremism" and its lack of demand in scientific discourse. **Methods.** Dialectical method, formal and logical methods, and an activity-based approach to the essence of extremism, historical and materialistic approach to the state of postmodernity by D. Harvey. **Results.** Based on the activity-based approach, the author has proposed the definition of the concept of "economic extremism". Based on the results of the analysis, the central contradiction of economic extremism as a phenomenon of post-industrial society was highlighted. It is ontologically inseparable from the reality of the current model of the capitalist economy, but it is illusory epistemologically as it contradicts the modern globalist socio-economic paradigm. The obtained result lays the conceptual foundation for resolving the contradiction between the concept of "economic extremism" and its lack of demand in scientific discourse. The ontological and epistemological aspects of economic extremism, as well as their relationship, require further study, including in an interdisciplinary context.

Keywords: extremism, economic extremism, modernism, postmodernity, contradiction, postmodernity economics

For citation: Dolin V.A. Economic extremism as a phenomenon of post-industrial society: between reality and illusion. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2026, vol. 54, no. 1, pp. 176–185. <https://doi.org/10.18799/26584956/2026/1/2077>

Введение

Изучение научной литературы выявляет теоретическую проблему: хотя ряд исследователей выделяют и (или) содержательно анализируют понятие «(социально-)экономический экстремизм» [1, 2], в большинстве типологий крайних действий в политической сфере представление о нем отсутствует [3].

Также вызывает исследовательский интерес периферийный характер научного дискурса об экономическом экстремизме, который хотя и зарождается в 2000-е гг. [3], в 2010-е гг. либо представлен небольшими публикациями в малоизвестных изданиях [4], либо рассматривает частные аспекты [5, 6]. Отношение к проблеме изменяется лишь после начала в феврале 2022 года специальной военной операции Российской Федерации на территории Украины, когда в научный дискурс об экономическом экстремизме вовлекаются и рецензируемые научные журналы [2, 7]. Однако повышенный интерес к рассматриваемой проблеме по-прежнему отсутствует.

Непопулярность научного дискурса об экономическом экстремизме вызывает удивление с позиций методологии сферного подхода, в соответствии с которой Р.М. Афанасьева утверждает, что возможно выделять «...проявления экстремизма в экономической, социальной, политической и духовной сферах жизни общества...» [8, с. 12].

Выявленное противоречие между формально-логической возможностью выделения феномена экономического экстремизма и невостребованностью (или непопулярностью) в научном сообществе соответствующего понятия требует научного осмысления.

Научный обзор

Предварительно следует уточнить, что в научный обзор не включается феномен потребительского экстремизма, представляющего собой «...форму злоупотребления правом со стороны потребителей, направленную на получение личной выгоды в ущерб законным интересам продавцов и производителей товаров, работ, услуг» [9, с. 382]. Несмотря на очевидную связь с экономикой, потребительский экстремизм не описывает экономическую сферу в целом, без чего невозможно уяснить сущность экономического экстремизма.

Н.Н. Афанасьев одним из первых среди российских исследователей предлагает выделять экономический экстремизм (наряду с национальным, политическим, религиозным, экологическим и духовным) [10].

Ю.А. Ковтун с соавторами исходят из секьюритизированно-внешнеполитического понимания анализируемого явления, которое «...используется как средство давления в политическом противостоянии государств» через создание «фейковых новостей» [6, с. 262].

А.А. Беженцев и В.Р. Лебедев по идейно-концептуальной основе различают два вида экстремизма – религиозный и социально-экономический, относя к проявлениям последнего радикальный олигархизм и криминальный радикализм [1].

Е.А. Супрунова и Ю.Г. Балашова рассматривают анализируемый феномен как результат воздействия экзогенных и эндогенных факторов, направленных на подрыв экономической безопасности и против национальных интересов [11].

Согласно В.В. Фуртрату, «по своей сущности экономический экстремизм выступает за «анархичную» экономику, то есть без какого-либо вмешательства извне, и при этом направлен на дестабилизацию экономики различными методами, в том числе и насильственными» [2, с. 254].

Зарубежные авторы используют близкие к проблематике статьи концепты «экономический империализм» [12], «глобальный экономический порядок» [13] и «капитализм катастроф» [14]. Также М. Rao, Р.А. Raschky, С.Г. Tombazos выявляют важную закономерность: даже небольшие колебания дохода европейских избирателей обеспечивают ощутимый рост электоральной поддержки праворадикальных партий [15].

В целом представленный обзор свидетельствует не только о недостаточной разработанности проблемы, но и отсутствии осмысления противоречия между формально-логической возможностью выделения феномена экономического экстремизма и невостребованностью соответствующего ему понятия.

Методология исследования

Следует уточнить теоретико-методологические основания проводимого исследования.

Первое основание – родовидовые отношения между понятиями «экстремизм» и его конкретными видами, позволяющие применить методологию осмысления одного вида экстремизма к другой его разновидности. Подобный ход мысли (своеобразная «методологическая аналогия», связанная с переносом алгоритма осмысления с одного родственного объекта на другой) в рамках проводимого исследования опирается на постулаты, не противоречащие закономерностям формальной логики:

- из дефиниции конкретного вида экстремизма возможно выделить ключевые вопросы, применимые для понимания сути родового явления;
- выделенные ключевые вопросы могут быть использованы как методологический инструмент для формулировки дефиниции другого вида экстремизма.

Второе основание исследования – деятельностный подход Э.Г. Филимонова [16] к феномену религиозного экстремизма, дополненный В.А. Долиным. С позиций деятельностного подхода В.А. Долин в дефиниции понятия «религиозный экстремизм» выделяет четыре содержательных элемента (субъекты – сфера активности – способы реализации – цель активности), а в качестве методологического инструмента их выявления использует вопросы «кто?» – «где?» – «как?» – «куда?» [17, с. 398–399].

Третье основание исследования – представления о сущности и динамике противоречия в материалистической диалектике [18]. Выделяемые в рамках диалектического закона единства и борьбы противоположностей тезис и антитезис (как категории для выражения сторон противоречия) снимаются в синтезе, который «...не покидает этих категорий ... не выходит за пределы схватываемой ими сущности, т. е. за пределы их всеобщего понятия» [18].

Четвертое основание исследования – историко-материалистический подход Д. Харви, в рамках которого состояние постмодерна рассматривается как результат типичного для капитализма, но уникального по масштабу пространственно-временного сжатия: «...кризисы перенакпления ... пробуждают поиски пространственных и временных решений для выхода из них, которые ... создают господствующее ощущение пространственно-временного сжатия...» [19, с. 262]. Текущее пространственно-временное сжатие начинается в конце 1960-х гг. и становится очевидным после обострения в нефтяной кризис 1973 г. [19, с. 262]. Как результат, «...постмодернизм можно рассматривать как историко-географическое состояние определенного типа» [19, с. 262], оппозиционного модернизму. Подобное понимание противоположно классическому лингвистически-культурному пониманию состояния постмодерна [20].

Оппозиционный характер модернизма и постмодернизма Д. Харви описывает диадой родовых понятий «фордистский модерн» – «гибкий постмодерн», которые объединяют противоположные видовые характеристики каждой из исторических моделей капитализма и тем самым обеспечивают концептуальную матрицу описания внутренней динамики капитализма как целого [19]. В общем виде «...степень фордизма и модернизма или гибкости и постмодернизма неизбежно варьируется от одного времени и от одного места к другому в зависимости от того, какая конкретная конфигурация является прибыльной, а какая нет» [19, с. 274].

Складывающаяся ситуация в экономике аналогична политическим практикам, в рамках которых стремление увеличить количество привлеченных голосов избирателей побуждает политиков занимать крайние позиции в общественно-политическом дискурсе (стратегический экстремизм) [21].

Как результат, выделяемые Д. Харви парные характеристики двух моделей капитализма могут быть использованы в данной статье для анализа противоречия между формально-логической возможностью выделения феномена экономического экстремизма и неостребованностью соответствующего ему понятия.

Результаты

Исходя из первого теоретико-методологического основания проводимого исследования, сформулированные при изучении религиозного экстремизма вопросы деятельностного подхода «кто?» – «где?» – «как?» – «куда?» правомерно рассматривать как ключевые для формулировки дефиниции анализируемого понятия.

Последовательность ответов на данные вопросы следующая:

- «кто?» (субъекты) – экономические элементы (существуют на национальном и международном уровнях, взаимодействуют между собой (или даже взаимопроникают) при интеграции национальной экономики в мировую, например, в формате корпоратократии [22]);
- «где?» (сфера активности) – политическая жизнь общества;
- «как?» (способы реализации) – крайние действия (стагнация или сокращение ресурсных возможностей для большинства населения; радикализация экономического неравенства;

глобальная уберизация как усилия корпораций по снижению стоимости труда; формирование элитарных демократий, отвергающих идеал равенства и интересы большинства [23]; катастрофически быстрое сжатие рынка интеллектуального труда за счет внедрения технологий искусственного интеллекта [24]);

- «куда? (против чего?)» (цель активности) – против устойчивого социально-экономического развития и экономической безопасности общества, обеспечения процветания наибольшего количества его граждан.

Соединение ответов на методологически значимые вопросы позволяет предложить следующее определение: *экономический экстремизм – крайние действия экономических элементов в политической жизни общества, нацеленные против устойчивого социально-экономического развития и экономической безопасности общества, обеспечения процветания наибольшего количества его граждан.*

Перейдем к анализу противоречия между выделением концепта «экономический экстремизм» и его невостребованностью в научном сообществе.

В контексте диалектико-материалистической методологии выделение концепта «экономический экстремизм» представляет собой тезис (утверждение о свойствах предмета), а невостребованность рассматриваемого концепта в научном сообществе (утверждение, противоречащее тезису) – антитезис. Диалектический синтез предполагает описание модели современной экономики [13], позволяющее рассмотреть тезис и антитезис как элементы более широкой реальности.

Модель современной экономики обусловлена как экономическим глобализмом в духе Вашингтонского консенсуса [12, 14], так и внедрением рекомендаций глобалистских институтов экономического развития (Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация) в модели функционирования национальных экономик [25].

Следствием закрепления основных параметров организации национальной экономики на конституционном уровне и в профильном законодательстве становится политизация (потенциальная или актуальная) любого принципиального обсуждения несовершенства актуальной экономической модели. Возможные при таком обсуждении размышления о демонтаже актуальной экономической модели (полному или на уровне отдельных ключевых параметров) даже со стороны легальных политических субъектов могут рассматриваться как минимум в качестве проявления теоретического экстремизма.

Подобная перспектива выявляет противоречие: в онтологическом измерении экономический экстремизм не отделим от реальности актуальной модели капиталистической экономики, но при этом иллюзорен в гносеологическом измерении как противоречащий современной социально-экономической парадигме, предполагающей глобалистское переформатирование и мировой экономики как целого, и национальных экономических моделей. В рамках актуальной социально-экономической парадигмы финансовая власть доминирует над государственной, а неоконсерватизм отменяет установку на создание государства всеобщего благосостояния [19].

Выражая мысль предельно кратко, возможно утверждать, что экономический экстремизм как феномен постиндустриального общества находится между реальностью и иллюзорностью: он реален по своим проявлениям, но маргинален в научном дискурсе. В свою очередь, маргинальность в науке ставит под сомнение онтологическую реальность экономического экстремизма как феномена постиндустриального общества.

После начала специальной военной операции Российской Федерации на территории Украины и связанной с ней трансформации мирового порядка [26] значимость полученных результатов возрастает.

Обсуждение

С точки зрения диалектического материализма объективное диалектическое противоречие обязано своим существованием «...исключительно процессу своего непрерывного разрешения и воспроизведения в ходе развития того объекта, которому оно внутренне присуще» [18, с. 3–4]. Первым шагом разрешения любого противоречия является его осознание и четкая формулировка. Однако полученные результаты свидетельствуют о том, что реализация данного шага применительно к проблеме экономического экстремизма в постиндустриальном обществе – крайне сложная задача.

Д. Харви формулирует постулат, способный объяснить игнорирование проблематики экономического экстремизма в современной науке: «одно из первоочередных условий постмодерна заключается в том, что никто не может или не должен рассматривать его как историко-географическое состояние» [19, с. 268]. Применительно к проблематике статьи это означает сокрытие (или даже принуждение к сокрытию) объективно-экономических оснований постмодерна. Данный вывод крайне неожиданный, однако изучение мотивов подобного сокрытия требует дополнительного изучения.

Ведущий инструмент подобного воздействия на сознание научного сообщества – возведенное в ранг социально-гуманитарной парадигмы акцентирование духовно-культурного измерения постмодерна и тем самым погружение большинства исследователей в «языковые игры», фундированные философией эпохи постмодерна (Ж.-Ф. Лиотар, Г. Гадамер, Ж. Деррида). Развитие в философии постмодерна идущей от К. Маркса традиции «философии подозрения» (Ж. Бодрийяр) или социально-философские представления Ж. Делёза служат лишь «концептуальным декором» лингвистически ориентированной парадигмы. В данном контексте выглядит закономерным, что в качестве приоритетных направлений для устранения коренных причин экстремизма называются образовательные инициативы, социальные реформы и продвижение демократических ценностей [27], по определению не затрагивающие его глубинных (то есть экономических) основ.

Сокрытие экономического базиса постмодерна также соответствует методологии SOS-анализа насилия (С. Жижек) как «...сложного взаимодействия трех видов насилия – субъективного, объективного и символического» [28, с. 14]:

- субъективное насилие совершается «...какой-либо четко опознаваемой силой» [28, с. 5]: «...социальными агентами, злыми людьми, дисциплинированными репрессивными аппаратами, фанатичными толпами» [28, с. 14];
- символическое насилие воплощается в языке (то есть включает в себя не только речь-ненависть и словесное выражение отношений социального господства, но и соответствует (в предельно широком контексте) «...языку как таковому, насаждаемой им определенной смысловой вселенной» [28, с. 6]);
- объективное («системное») насилие, «...под которым понимаются нередко катастрофические последствия спокойной работы наших экономических и политических систем» [28, с. 6].

Системное насилие предполагает, что «...именно организованная без всякого внешнего принуждения метафизическая пляска всемогущего Капитала служит ключом к реальным событиям и катастрофам. В этом и заключается фундаментальное системное насилие капитализма ... оно является чисто «объективным», системным, анонимным» [28, с. 15]. Именно по этой причине системное насилие часто не замечают: оно рассматривается как «нормальное» для конкретного общества.

Методология SOS-анализа С. Жижек позволяет утверждать следующее: онтологическая реальность, соответствующая концепту «экономический экстремизм», представляет собой значимый аспект системного насилия в постиндустриальном обществе.

В свою очередь, игнорирование в научной дискурсивности концепта «экономический экстремизм» правомерно рассматривать как специфическое проявление символического насилия:

проблема существует, а ее точное наименование отсутствует. В результате объективно значимый (или даже принципиальный) вопрос «тонет» в «информационном шуме» эпохи постмодерна, в который отчасти вовлечена и академическая наука. Закономерно, что рассматриваемый концепт нередко разрабатывается журналистами и общественными деятелями, которые по определению занимают периферийное положение в научно-исследовательском дискурсе [14].

Опора С. Жижека на традицию «философии подозрения» служит основанием для обращения к творчеству Ж. Бодрийяра как представителя названной традиции в рамках философии постмодерна, поскольку представления французского философа-постмодерниста потенциально продуктивны для осмысления феномена экономического экстремизма в постиндустриальном обществе.

В своей творческой эволюции Ж. Бодрийяр достаточно быстро отказывается от методологии марксизма и создает собственное понимание социально-культурной реальности, отражающее факт различия двух эпох: если К. Маркс описывает ранний капитализм, не достигший содержательных и географических пределов, то Ж. Бодрийяр – аналогично Д. Харви – констатирует достижение поздним капитализмом и содержательных, и географических границ.

В работе «Дух терроризма» Ж. Бодрийяр постулирует: для современного общества, отвергнувшего универсальное (права человека, разнообразные свободы, культура, демократия) ради глобального, которое философ отождествляет с процессом глобализации (технологии, рынок, туризм, информация), характерны «...одновременно гомогенизация и фрагментация до бесконечности» [29, с. 156]. Гибель универсального как источника «критической негативности» «...дает дорогу другому виду насилия – *насилию глобального*: верховенству одной лишь позитивности и технической эффективности, всесторонней организации, интегральной циркуляции, эквивалентности всех обменов» [29, с. 157–158] (курсив мой – В.Д.). Объектами насилия со стороны глобального (потенциально возможное понятие «глобальное насилие» будет иметь иной смысл!) становятся любые формы негативности и сингулярности (последнее понятие Ж. Бодрийяр использует в качестве синонима понятия «уникальность») [29].

В контексте проводимого исследования очевидно, что представления об экономическом экстремизме раскрывают важный (с позиций марксизма – ведущий) аспект насилия со стороны глобального (в понимании Ж. Бодрийяра).

Заключение

Соединение ответов на методологически значимые вопросы (в рамках деятельностного подхода) позволяет предложить следующее определение: экономический экстремизм – крайние действия экономических элементов в политической жизни общества, нацеленные против устойчивого социально-экономического развития и экономической безопасности общества, обеспечения процветания наибольшего количества его граждан.

Несмотря на формально-логическую непротиворечивость предложенного определения, оно содержит признаки теоретического экстремизма (например, названные представления могут послужить концептуальной основой для крайних действий против экономических элементов, которые не только институционализированы на международном уровне, но и нередко их статус дополнительно подкреплён на уровне национального законодательства).

В итоге, несмотря на формально-логическую возможность, понятие «экономический экстремизм» оказывается праксеологически непродуктивным из-за статуса ряда экономических элементов (носят наднациональный характер, соответствуют актуальной экономической модели, в том числе и закреплённой на уровне национального законодательства).

Для осмысления проблематики экономического экстремизма наиболее продуктивным инструментом выступают представления, учитывающие экономические реалии (или хотя бы по-

тенциально с ними совместимые): материалистическая диалектика, историко-материалистический подход к состоянию постмодерна Д. Харви, SOS-анализ С. Жижека, различие глобального и универсального (Ж. Бодрийяр).

Вместе с тем радикальные последствия деятельности экономических элементов на уровне национальных государств, главными из которых являются неустойчивое социально-экономическое развитие общества и сокращение условий для процветания его граждан, определяют актуальность дальнейших исследований феномена экономического экстремизма, в том числе и междисциплинарными средствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беженцев А.А., Лебедев В.Р. Экстремизм и его виды: социально-экономический, религиозный, левый и правый. *Государственная служба и кадры*, 2023, № 1, С. 23–31. DOI: 10.56539/23120444_2023_1_23. EDN: QYPUHF.
2. Фуртат В.В. Политические инструменты противодействия экономическому экстремизму: обобщение российского международного опыта. *Социально-гуманитарные знания*, 2024, № 11, С. 254–256. EDN: EGANGF.
3. Никитин А.Г. Виды и классификации экстремистского поведения: общетеоретические и правовые проблемы. *Актуальные проблемы экономики и права*, 2014, no. 1, pp. 186–194. EDN: RXDFWT.
4. Суворов В.В. Экономический экстремизм в России. *Практические аспекты профилактики экстремизма и противодействия распространению его идеологии в молодежной среде: сборник научных трудов международной заочной научно-практической конференции*. Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2013. С. 65–69. EDN: SIJGBR.
5. Васильев Ф.П. Развитие института двойного гражданства в России как одной из форм экономического экстремизма. *Вопросы российского и международного права*, 2020, Т. 10, № 5-1, С. 165–178. DOI: 10.34670/AR.2020.34.31.020. EDN: NZIRTM.
6. Отдельные аспекты противодействия экономическому экстремизму в сети Интернет. Ю.А. Ковтун, В.М. Баранов, Р.М. Шевцов, Э.А. Винокуров, И.Н. Архипцев, В.А. Ковтун. *Проблемы экономики и юридической практики*, 2019, Т. 15, № 2, С. 262–266. EDN: RGZNMH.
7. Супрунова Е.А. Экономический экстремизм: понятие, сущность и факторы его развития как угроза экономической безопасности России. *Экономические и гуманитарные науки*, 2023, № 3 (374), С. 57–71. DOI: 10.33979/2073-7424-2023-374-3-57-71. EDN: DISYLP.
8. Афанасьева Р.М. *Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде (социально-философский анализ)*: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. 22 с. EDN: ZNJGQZ.
9. Бельдина О.Г., Бурлака С.Н. Потребительский экстремизм в современных реалиях. *Право и государство: теория и практика*, 2024, № 11 (239), С. 382–383. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_11_382. EDN: ATEIPU.
10. Афанасьев Н.Н. Идеология терроризма. *Социально-гуманитарные знания*, 2002, № 1, С. 224–235.
11. Супрунова Е.А., Балашова Ю.Г. Факторы, обуславливающие возникновение и распространение экономического экстремизма, и его влияние на экономическую безопасность. *Экономические и гуманитарные науки*, 2023, № 11 (382), С. 78–89. DOI: 10.33979/2073-7424-2023-382-11-78-89. EDN: LMZNDY.
12. Fine B. Economics imperialism and the new development economics as Kuhnian paradigm shift? *World development*, 2002, Vol. 30, Iss. 12, P. 2057–2070. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(02\)00122-5](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(02)00122-5). EDN: BBSBML.
13. Susskind D., Vines D. Global economic order and global economic governance. *Oxford review of economic policy*, 2024, Vol. 40, № 2, P. 189–219. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxrep/gra021>. EDN: JWAYKQ.
14. Кляйн Н. *Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф*. М.: Добрая книга, 2009. 656 с.
15. Rao M., Raschky P.A., Tombazos C.G. Political extremism and economic activity. *Economics letters*, 2018, Vol. 170, P. 59–62. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2018.05.027>.
16. Филимонов Э.Г. *Социальная и идеологическая сущность религиозного экстремизма*. М.: Знание, 1983. 64 с.
17. Долин В.А. Религиозный экстремизм как социально-культурный феномен: проблема онтологической границы. *Идеи и идеалы*, 2022, Т. 14, № 2, Ч. 2, С. 395–410. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-395-410. EDN: EFCBFE.
18. Батищев Г.С. *Противоречие как категория диалектической логики*. М.: Высшая школа, 1963. 119 с.
19. Харви Д. *Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений*. М.: Высшая Школа Экономики (ВШЭ), 1989. 296 с.
20. Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетея, 1998. 160 с.
21. Glaeser E.L., Ponzetto G.A.M., Shapiro J.M. Strategic extremism: why republicans and democrats divide on religious values. *The quarterly journal of economics*, 2005, Vol. 120, Iss. 4, P. 1283–1330. DOI: <https://doi.org/10.1162/003355305775097533>.

22. Третьяк В.П., Смирнов В.Г. Неожиданный субъект международных отношений (корпоратократы вытесняют олигархов). *Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Вумте*, 2024, Т. 3, № 1, С. 76–83. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-1-76-83. EDN: NIFNHV.
23. Мартыянов В.С., Руденко В.Н. Магия белого прогрессора: от глобального каргокульта к новой политической нормальности. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, 2022, № 1 (104), С. 24–49. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-104-1-24-49. EDN: EATVAG.
24. Лукичев П.М. Влияние искусственного интеллекта на рынок труда в парадигме неравенства. *Экономика труда*, 2025, Т. 12, № 3, С. 267–282. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.12.3.122851>. EDN: WESLCV.
25. Hurrell A. Geopolitics and global economic governance. *Oxford review of economic policy*. 2024, Vol. 40, № 2, P. 220–233. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxrep/graе013>. EDN: ZHBILE.
26. Дынкин А.А. Трансформация мирового порядка: экономика, идеология, технологии. Полис. Политические исследования. 2024, № 5, С. 8–23. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.02>. EDN: ETDUKS.
27. Ismail A.M., Jamir Singh P.S., Mujani W.K. A systematic review: unveiling the complexity of definitions in extremism and religious extremism. *Humanities and Social Sciences Communication*, 2025, № 12, Article number 1297. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-025-05685-z>. EDN: DCOETG.
28. Жижек С. *О насилии*. М.: Европа, 2010. 184 с.
29. Бодрийяр Ж. *Дух терроризма. Войны в заливе не было*. М.: РИПОЛ классик, 2016. 224 с.

Информация об авторе

Вячеслав Александрович Долин, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, Российская Федерация, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71; v.a.dolin@mail.ru

Поступила в редакцию: 04.11.2025

Поступила после рецензирования: 13.12.2026

Принята к публикации: 28.03.2026

REFERENCES

1. Bezhtentsev A.A., Lebedev V.R. Extremism and its types: socio-economic, religious, left and right. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, 2023, no. 1, pp. 23–31. (In Russ.) DOI: 10.56539/23120444_2023_1_23. EDN: QYPYHF.
2. Furtat V.V. Political instruments for countering economic extremism: generalization of Russian international experience. *Social and humanitarian knowledge*, 2024, no. 11, pp. 254–256. (In Russ.) EDN: EGAHGF.
3. Nikitin A.G. Types and classification of extremist behavior: general theoretical and legal issues. *Actual problems of economics and law*, 2014, no. 1, pp. 186–194. (In Russ.) EDN: RXDFWT.
4. Suvorov V.V. Economic extremism in Russia. *Practical Aspects of Preventing Extremism and Countering the Spread of Its Ideology Among the Young People. Collection of Scientific Papers of the International Correspondence Scientific and Practical Conference*. Orekhovo-Zuyevo, State University of Humanities and Technology Press, 2013. pp. 65–69. (In Russ.) EDN: SIJGBR.
5. Vasilev F.P. Development of the institute of dual citizenship in Russia as a form of economic extremism. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2020, vol. 10, no. 5-1, pp. 165–178. DOI: 10.34670/AR.2020.34.31.020. EDN: NZIRTM.
6. Kovtun Yu.A., Baranov V.M., Shevtsov R.M., Vinokurov E.A., Arkhiptsev I.N., Kovtun V.A. Separate aspects of counteraction to economic online extremism. *Economic problems and legal practice*, 2019, vol. 15, no. 2, pp. 262–266. (In Russ.) EDN: RGZNHM.
7. Suprunova E.A. Economic extremism: concept, essence and the factors of its development as a threat economic security of Russia. *Economic and humanitarian sciences*, 2023, no. 3 (374), pp. 57–71. (In Russ.) DOI: 10.33979/2073-7424-2023-374-3-57-71. EDN: DISYLP.
8. Afanaseva R.M. *Sociocultural conditions for countering extremism among young people (social and philosophical analysis)*. Cand. Diss. Abstract. Moscow, 2007. 22 p. (In Russ.) EDN: ZNJGQZ.
9. Beldina O.G., Burlaka S.N. Consumer extremism in modern realities. *Law and State: The Theory and Practice*, 2024, no. 11 (239), pp. 382–383. (In Russ.) DOI: 10.47643/1815-1337_2024_11_382. EDN: ATEIPU.
10. Afanasev N.N. Ideology of terrorism. *Social and humanitarian knowledge*, 2002, no. 1, pp. 224–235. (In Russ.)
11. Suprunova E.A., Balashova Yu.G. Factors causing the occurrence of and the spread of economic extremism and its impact on economic security. *Economic and humanitarian sciences*, 2023, no. 11 (382), pp. 78–89. (In Russ.) DOI: 10.33979/2073-7424-2023-382-11-78-89. EDN: LMZNDY.
12. Fine B. Economics imperialism and the new development economics as Kuhnian paradigm shift? *World development*. 2002, vol. 30, Iss. 12, pp. 2057–2070. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(02\)00122-5](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(02)00122-5). EDN: BBSBML.
13. Susskind D., Vines D. Global economic order and global economic governance. *Oxford review of economic policy*, 2024, vol. 40, no. 2, pp. 189–219. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxrep/graе021>. EDN: JWYKQ.

14. Klein N. *The shock doctrine: the rise of disaster capitalism*. Moscow, Dobraya Kniga Publ., 2009. 656 p. (In Russ.)
15. Rao M., Raschky P.A., Tombazos C.G. Political extremism and economic activity. *Economics letters*, 2018, vol. 170, pp. 59–62. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2018.05.027>.
16. Filimonov E.G. *Social and ideological essence of religious extremism*. Moscow, Knowledge Publ., 1983. 64 p. (In Russ.)
17. Dolin V. Religious extremism as a socio-cultural phenomenon: the problem of the ontological boundary. *Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, no. 2, pt. 2, pp. 395–410. (In Russ.) DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-395-410. EDN: EFCBFE.
18. Batishchev G.S. *Contradiction as a category of dialectical logic*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1963. 119 p. (In Russ.)
19. Harvey D. *The Postmodern condition: a study of the origins of cultural change*. Moscow, Higher School of Economics (HSE) Press, 1989. 296 p. (In Russ.)
20. Lyotard J.-F. *The postmodern condition: a study of the origins of cultural change*. Moscow, Institute of Experimental Sociology Press; St Petersburg, Aletheia Publ., 1998. 160 p. (In Russ.)
21. Glaeser E.L., Ponzetto G.A.M., Shapiro J.M. Strategic extremism: why republicans and democrats divide on religious values. *The quarterly journal of economics*, 2005, vol. 120, Iss. 4, pp. 1283–1330. DOI: <https://doi.org/10.1162/003355305775097533>.
22. Tretyak V.P., Smirnov V.G. Unexpected subject of international relations (corporatocrats oust oligarchs). *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, 2024, vol. 3, no. 1, pp. 76–83. (In Russ.) DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-1-76-83. EDN: NIFNHV.
23. Martjanov V.S., Rudenko V.N. The magic of the white progressor: from global cargo cult to a new political normality. *The journal of political theory, political philosophy and sociology of politics. Politeia*, 2022, no. 1 (104), pp. 24–49. (In Russ.) DOI: 10.30570/2078-5089-2022-104-1-24-49. EDN: EATVAG.
24. Lukichyov P.M. Artificial intelligence's impact on the labor market in the inequality paradigm. *Russian Journal of Labour Economics*, 2025, vol. 12, no. 3, pp. 267–282. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18334/et.12.3.122851>. EDN: WESLCV.
25. Hurrell A. Geopolitics and global economic governance. *Oxford review of economic policy*, 2024, vol. 40, no. 2, pp. 220–233. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxrep/gra013>. EDN: ZHBILE.
26. Dynkin A.A. World order transformation: economy, ideology, technology. *Polis. Political Studies*, 2024, no. 5, pp. 8–23. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.02>. EDN: ETDUKS.
27. Ismail A.M., Jamir Singh P.S., Mujani W.K. A systematic review: unveiling the complexity of definitions in extremism and religious extremism. *Humanities and Social Sciences Communication*, 2025, no. 12, Article number 1297. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-025-05685-z>. EDN: DCOETG.
28. Žižek S. *On violence*. Moscow, Evropa Publ., 2010. 184 p. (In Russ.)
29. Baudrillard J. *The spirit of terrorism. There was no Gulf War*. Moscow, RIPOL Classic Publ., 2016. 224 p. (In Russ.)

Information about the author

Vyacheslav A. Dolin, Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia named after I.D. Putilin, 71, Gorky street, Belgorod, Russian Federation; v.a.dolin@mail.ru

Received: 04.11.2025

Revised: 13.12.2026

Accepted: 28.03.2026